

«Локус субъективного контроля» и библейские максимы

Под локусом контроля подразумевают склонность человека находить источник управления собственной жизнью или во внешней среде (иногда, в судьбе), или видеть его в себе самом – в своем характере, способностях, интересах и ценностях, к которым стремится (4, 1-28).

Экстернальный локус субъективного контроля представляет индивида как переменную величину внешнего мира. *Интернальный* локус контроля, наоборот, рассматривается как активная позиция человека, берущего на себя ответственность за происходящие с ним события.

Современные работы о мотивации человека в связи с его жизненной успешностью или неуспешностью акцентируют преимущества интернальной установки к миру. Внутренний контроль обуславливает стремление к успеху, что, очевидно, является следствием установки на поиск средств достижения цели, изменения ситуации в свою пользу, на попытки устранения возникающих преград (3, 211). Интернал видит реальность как нуждающуюся в активных действиях с его стороны. В философско-социологических исследованиях М.Вебера о значении протестантской этики для становления капиталистических отношений можно усмотреть подчеркивание значения «интернального видения» целей и принципов человеческой деятельности.

Активность и инициативность интернальной установки может также проявляться в *форме лжи* как способе одоления других, игнорировании их интересов как неких объектных структур, противостоящих суверенной личности. Эта же установка может побуждать человека к манипуляциям в отношениях с людьми, поскольку основное требование интернала к себе – *владеть ситуацией*, используя для этого любые приемы и средства.

Необходимо учитывать склонность человека или к достижению успеха или избегание неудачи. Очевидно, что установка человека на достижение более близка инициативной позиции человека, но и установка на «избегание неудачи» тоже может содержать в себе «отстроченную» настроенность к действию - выжиданием условий гарантированного успеха, ожиданием внешней подсказки или сигнала к собственному действию. Так например, в современных руководствах по классификациям психических и поведенческих расстройств (МКБ-10) отмечаются следующие признаки, соответствующие «уклоняющейся»/зависимой личности: 1) интравертированность; 2) высокая потребность в социальных контактах, для участия в которых ей необходимы нереалистично завышенные гарантии безусловно положительного принятия окружающими; 3) преувеличенные представления о риске и опасности повседневной жизни, негативного отношения окружающих; 4) ограниченная способность принимать повседневные решения без многочисленных советов и одобрения окружающими; 5) нежелание вступать во взаимоотношения без гарантии понравится, активное или пассивное перекладывание на других большей части важных решений в своей жизни; 6) подчинение собственных потребностей нуждам других людей и неадекватная податливость их желаниям; 7) недостаточная готовность к предъявлению даже разумных требований людям, от которых человек может оказаться в зависимости; 8) дискомфорт от одиночества из-за чрезмерного страха неспособности к самостоятельной жизни; 9) страх быть покинутым другими людьми и остаться предоставленным самому себе и т.п. В то же время, во многих исследованиях нередко ставится под сомнение правомерность отнесения указанных качеств и поведенческих стереотипов к расстройствам личности (См. 8, 257-261), поскольку они могут *отражать фрагменты поиска эффективного стиля отношений человека с ситуационно-изменчивыми особенностями его окружения* – автономного (независимого, избегающего,

конкурентного) или совместного (сотруднического, компромиссного) сосуществования.

1. В разных исследованиях обнаруживаются определенные психолого-характерологические особенности тех и других. Отмечается, что интерналы более уверены в себе, более спокойны и благожелательны (1, 81-86.). Установлена положительная связь между интернальностью и наличием смысла жизни. В целом их поведение менее изменчиво в сравнении с экстерналами. У экстерналов же отмечается повышенная тревожность, меньшая терпимость к другим, более высокий уровень агрессивности, и одновременно сравнительно большая конформность (2. 619-640).
2. По-видимому, тревожность экстернала есть следствие неопределенности о собственном положении в будущем и его представлений об общей неизменности мира. Если же неуспех видится не как результат собственных неадекватных действий, но приписывается действию внешних сил или других людей, то тем вероятнее они будут оцениваться как враждебные. Он полагает мир слишком объективным (нейтральным), чтобы рассчитывать на дружеские, понимающие, сотруднические с ним «отношения».

Интернальная установка может иметь два крайних варианта развития:

1) формируется *властолюбивая* личность, склонная к тотальному контролю и управлению своего окружения, вообще любыми ситуациями существования; такой человек полагает мир подчиненным своей воле и желаниям, характер всех внешних событий должен находиться в зависимости от его действий и инициатив;

2) формируется личность, склонная к самообвинению, поскольку установка считать себя ответственным за все неудачи в своей жизни повышает риск психоэмоциональной дезадаптации. В итоге формируется личность *грешника*, приписывающая причину неудач собственной

ущербности; его неуспешность отождествляется с неспособностью совладать с миром, или с несовместимостью с ним.

В экстернальной установке можно выделить следующие варианты своего проявления:

1) для личности характерно нежелание управлять миром, стремление «жить в ладу с миром» («по его правилам»). Упование на Промысел Божий и Его волю понимается как обретение подлинного смысла существования; во многих восточных учениях можно усмотреть признаки экстернальности;

2) личность видит себя ничтожной и зависимой составляющей внешнего мира, бесполезность собственных усилий, для нее характерно чувство покорности и тотальной беспомощности; она в высшей степени конформна, поскольку не находит в себе оснований для какого-либо противостояния миру.

Известно, что применение различных субшкал интернальности с учетом различных аспектов деятельности личности (интернальность в области: достижений, неудач, здоровья... межличностных, семейных, производственных отношений и пр.) дает достаточно пеструю, а подчас противоречивую картину значимости интернальности/экстернальности в описаниях и оценках прогноза эффективности деятельности субъекта. Видимо, отчасти поэтому признается, что «излишнее дробление вряд ли обосновано, так как оно выхолащивает саму концептуальную идею локуса контроля и снижает практический потенциал этого понятия» (9, 91-109).

Из обобщения различных исследований следует, что интернальный контроль лучше, чем экстернальный. «Однако, - пишет А.А.Реан, - что-то не дает возможности абсолютно полностью принять эту идиллическую картину. И это смутное «что-то», в конце концов, находит свое основание во вполне конкретной психологической классике. Все вышеназванные достоинства интернала «завязаны» на ядро этого типа, которым является внутренняя ответственность. То есть наличие представления о том, что по

преимуществу все в жизни субъекта так или иначе зависит от него самого. Эта ответственность распространена... не только на область достижений, но и на область неудач. Однако классическая психология личности, весь ее теоретический и практический опыт, способны внести сюда серьезные коррективы». Ориентация на всеобъемлющую ответственность в случае серьезности или множественности неудач является основательной почвой для возникновения комплекса вины, фактором риска психоэмоциональной дезадаптации; «практическим признанием именно такого состояния вещей является собственно содержание работы психотерапевта, психолога при оказании психологической помощи дезадаптированной личности. Таким образом, налицо противоречие в представлениях по данному вопросу в традиционной, классической психологии личности и в представлениях более молодой концепции локуса контроля» (9, 106-107).

Таким образом, очевидно, что вопрос о реальной эффективности интернальной и экстернальной установок в отношениях с социальной средой остается открытым и требует тщательных и всесторонних исследований (7; 9). И в этой связи представляет особый интерес рассмотреть интернальность и экстернальность как внутренние стратегии отношения личности к миру на фоне двух основных библейских заповедей: Моисеевой заповеди справедливости – правилом *талиона*, и *золотым правилом* – христианской заповеди *любви*. Первая, которая может иметь разные вариации, рекомендует: «Относись к другому так, как он относится к тебе», т.е. предлагает устанавливать собственные действия и отношения к миру в зависимости от действий к тебе других. Вторая – «Относись к другому так, как ты бы хотел, чтобы он относился к тебе» – изначально стремится построить отношения с другими так, как человек сам считает нужным.

Если рассматривать обе заповеди по параметру их преимущественной активности, то очевидно, что правило талиона отличает сравнительное

«отставание», его реактивность на вызовы внешней среды, что отчасти связывает его с экстернальностью. «Золотое правило», таким образом, должно быть охарактеризовано как инициативная позиция личности, что как будто сближает его с понятием интернальности.

Вместе с тем, очевидно, что итог действий в соответствии с правилом «...как ты бы хотел...» *во многом (если не целиком) зависит от реакций другого на твоё хотение*, в то время, как правило «относись к другому так, как он...» **подразумевает поддержание справедливости за счёт твоих собственных действий вне зависимости от ожиданий другого относительно тебя**. С этой точки зрения индекс инициативности (интернальности) в большей мере следует признать за принципом талиона.

С другой стороны, как показывает Р.Г.Апресян, талион вопреки морализирующей критике то и дело оказывается востребованным в практических отношениях людей как насущный регулятивный инструмент (5), а золотое правило исторически и нормативно-логически вырастает на базе талиона.

Принято считать, что золотое правило существует в двух формах – негативной («Не делай другим того, чего себе не желаешь») и позитивной («Поступай по отношению к другим так, как ты желал бы, чтобы другие поступали по отношению к тебе»). Некоторые философы полагали, что негативная формулировка ассоциируется с правом, автономией личности, позитивная с универсальной нравственностью, уважением и почтением к другой личности (6, 78-80). В.С. Соловьев же рассматривал обе эти формы как разные выражения принципа альтруизма: в негативной он видел правило справедливости, в положительной – правило милосердия (10, 168). Р.Г.Апресян замечает, что принято считать, что существенным отличием золотого правила (именно в его позитивной формулировке) от талиона является то, что золотое правило апеллирует к чувству и намерению человека; талион же соотносится со сложившейся ситуацией, к действию

совершенному другими. Золотое правило предполагает инициативное действие – оно определяет как и с чем следует вступать в отношение с другим. Талион же предполагает ответное, т.е. реактивное действие – указывает, как следует поступать в отношениях, заданных другими.

Другая, пожалуй, существеннейшая особенность талиона заключается в том, что он как бы *предостерегает от излишней активности человека*, т.е. - не проявляй инициативу не по чину, поскольку, как подчеркивает Р.Г.Апресян, исключительная ориентированность талиона на реактивное действие может указывать на то, что мы не обладаем всей полнотой информации о системе, в которой находимся. Ветхозаветная этика, содержит талион как правило ответного действия относительно чужих и заповедь любви как правило инициативного действия по отношению к своим. В то же время, отмечает Р.Г.Апресян, талион и заповедь любви обобщаются в золотом правиле, отношения внутри этой тройки императивов не сбалансированы: обобщая талион, золотое правило противостоит ему, и, напротив, обобщая заповедь любви, золотое правило закрепляет ее. Однако, в оппозиции талиону золотое правило и заповедь любви сливаются. Талион и золотое правило предполагают взаимность, равенство в то время как ни взаимность, ни равенство не неперемнны для заповеди любви. А поскольку сущность заповеди любви обнаруживается в ее принципиальной сопряженности заповеди любви к Богу, то можно предположить, что **заповедь любви может значительно отрываться от решения практических задач жизни человека**. Не случайно же, реальная жизнь так часто заставляет вспоминать об иронической «заповеди»: «Никогда не поступайте благородно – это очень непрактично».

Игнорирование талиона является результатом доминирования в этике и сознании ориентации на морально идеальное содержание. Это результат присущего этике скрытого или косвенного морализирования, выражающегося в том, что предметом исследовательского внимания

оказываются «чистые» и предельные нормативные содержания – мораль в ее «незамутненном» идеальном воплощении. Все остальное рассматривается как выражение несовершенства или несоответствия императивному, ценностному или логически-цельному моральному образцу. Поэтому практическая слабость ее обусловлена «ослепленностью идеалом, теоретически сконструированным стандартом, ее невниманием к формам, переходным к этому стандарту», что делает ее «неживой» моралью, отворачивающейся от перипетий нравственной жизни реального человека. А «упоение» золотым правилом и скептицизм к талиону как раз и происходит из жизнеотрицающего принципа морального совершенства, хотя без перфекционистской компоненты никакая сильная этика невозможна.

У золотого правила нет однозначного коррелята в форме правила реактивного действия. В этике милосердия такой коррелят заповеди любви есть – заповеди непротivления и прощения. Обе они противоречат этике справедливости. Принцип справедливости требует, чтобы несправедливость, «глухое», бесчувственное зло были наказаны. При столкновении с активным и неугомонным злом заповедь любви, золотое правило, требования непротivления силой, прощения, невреждения порой ничего не могут предложить. Непризнание талиона делает человека морально бессильным перед лицом зла. Талион, пишет Р.Г.Апресян, это форма «репрессивной справедливости по отношению к тем, кто не желает принять и разделить предлагаемые золотым правилом равенство и взаимность (взаиморасположенность) или предлагаемые заповедью любви великодушие, щедрость, открытость. Талион зарезервирован для общения с теми, кто как бы полагает, что «мораль – это бессилие в действии», «что мораль – это ухищрение слабых»... Талион – последняя возможность сохранения человечности в неприспособленных для человечности обстоятельствах».

Можно принять следующую последовательность в иерархии нормативных приоритетов: любое реактивное действие должно сначала обращаться к этике любви, затем этике прав и обязанностей, но когда эти ответы оказываются недейственными, необходимо решительно переходить к этике кары («кармы»). Это совпадает с известным высказыванием мудрецов о том, что Господь беседует с нами шепотом любви, говорит языком совести и грохочет громом болезней и катаклизмов, если у человека, совершающего бесстыдства, нет ни любви к ближним, ни совести, а только лишь отменный аппетит.

Иногда говорят от взаимодополнительности иудаизма и христианства – «ветхого» и «нового» заветов, чаще о противоположности и несовместимости их религиозных догматов. Так или иначе, но богословский и исторический спор между иудаизмом и христианством может быть исследован и в аспекте экстернальности-интернальности. Особую остроту и актуальность этой проблеме придает то обстоятельство, что история еврейского народа являет яркий пример практической успешности и жизнестойкости моисеева закона.

Не исключено также, что проблема каузальной атрибуции и топологии контроля субъекта над своими действиями возникает лишь в той мере и той плоскости, где остался незатронутым вопрос о приоритетах: «что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить или повредить себе?» (Лука 9, 25). То есть проблема интернальности/экстернальности субъекта – это проекция нерешенности основного вопроса о себе самом. Над ней располагается сфера значительно более сложной психической жизни - там, где личность осуществляет *диалог как мышление в обнимку* с ценностями представленными ей как бы извне и где оппозиционность и параллельность путей человеческих решений более низких уровней, пересекаясь исчезает. Ведь для человека, как писал А.А.Ухтомский, нет ничего дороже, чем согласие его внутренних желаний

и окружающего мира, и человек счастлив лишь там, где он со своими желаниями и мир со своей фактической настоятельностью – одно, многие люди «приходят к своей радости лишь там, где им удается так неразрывно согласовать свое внутреннее с действительностью, что им бывает уже и нельзя сказать, он ли подчинился действительности или действительность подчинилась ему». Но, продолжает далее А.А.Ухтомский, «лишь потрясение и терпеливая помощь другого может вырвать человека из этой роковой соотносительности субъект-объекта, т.е. из того, что мир для человека таков, каким он его заслужил...» (11, 422). Следует также заметить, что правило «Относись к другому так, как он относится к тебе», в отличие от правила «Относись к другому так, как ты бы хотел, чтобы он относился к тебе», наполнено слежением и пристальным вниманием к тому, как другой относится к тебе, без чего невозможны ни диалог, ни полноценное с ним взаимодействие. Поэтому, игнорирование в общении того, как другой человек реагирует на ваши действия – например, что тот индифферентно относится к вашему вкладу в его пользу и не отвечает взаимностью - приводит к тому, что подобные контакты для вас будут неплодотворными и неэффективными что бы вы об этом человеке или о себе не думали, поскольку у вас с ним нет коммуникации.

И в заключение. Для разума (логоса) высшая справедливость - это любовь, как причина сущего. Христианская апология любви несомненно отвечает глубинным психологическим потребностям человека, и пожалуй, именно потому, что как утверждали древние греки - «Психее присущ самовозрастающий логос». Для человека разумного разум возвышается над данным ему в бытии настоящим, где властвует принцип воздаяния – равновесия, именуемый справедливостью, ведь руководствуясь исключительно принципом «справедливого» реагирования, человек был бы навеки связан цепями необходимости жить в формах несовершенного и преходящего бытия. Однако, как говорит призрак отца Гамлету: «Но

вечность – звук не для земных ушей», поэтому противостояние временного и вечного, амбивалентность справедливости и милосердия в нашей жизни неустранима.

Литература:

1. Bledsoe J. C. Personality characteristics differentiating internal and external college women. – *Journal of Psychology*, 1979, 103.
2. Joe V.C. Review of the internal-external control construct as a personality variable. – *Psychological Reports*, 1971, 28.
3. Lefcourt H.M. Locus of control: Current trends in the theory and research. Hillsdale, 1976.
4. Rotter J.B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. – *Psychological Monographs*, 1966, 80 (1).
5. Апресян Р.Г. Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов. Internet : <http://www.logic.ru/Russian/vf/Papers2001/Apresan32001.htm>.
6. Гусейнов А.А. Социальная природа нравственности. М., МГУ. 1974.
7. Муздыбаев К. Психология ответственности. М., Изд-во МГУ, 1983.
8. Попов Ю.В., Вид В.Д. Современная клиническая психиатрия. Новое руководство, основанное на Международной Классификации психических болезней 10 пересмотра (МКБ-10), для подготовки врачей к получению сертификата по психиатрии. СПб., «Речь», 2000.
9. Реан А.А. Практическая психодиагностика личности. СПб., изд-во СПб ун-та, 2001.
10. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т.1. Оправдание добра. М., Мысль, 1988.
11. Ухтомский А.А. Письма. – В сб. «Пути в незнаемое», вып. X, М., «Советский писатель», 1973.

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова

*Интернальность, экстернальность, правило талиона, золотое правило
Internality, externality, Talion's rule, the Golden rule*

В статье рассматриваются интернальность и экстернальность как внутренние стратегии отношения личности к миру на фоне двух основных библейских заповедей: Моисеевой заповеди справедливости – правилом *талиона*, и *золотым правилом* – христианской заповеди *любви*. Сопоставляя обе заповеди по параметру их преимущественной активности, становится очевидным, что правило талиона отличает сравнительное «отставание» - его реактивность на вызовы внешней среды, что отчасти связывает его с экстернальностью. «Золотое правило», в целом, должно быть охарактеризовано как инициативная позиция личности, что сближает его с понятием интернальности.

Павел Трофимович Тюрин,

доктор психологии, ассоциированный профессор Балтийского института психологии и менеджмента - Латвия, Рига.

Действительный член Российской Академии педагогических и социальных наук, Действительный член Международной Академии гуманизации образования (Германия).

Латвия. LV-1024. Рига. ул. Силциема д.15/5 кв.74.

Тел. (код 371) 67-100-608 сл., 67-521-626 дом., 29-61-38-68 мт.

e-mail: pavelstjurins@e-teliamtc.lv